



Не стало Николая Михайловича Андреева. Профессиональный журналист, он до последнего дня не откладывал в сторону перо. Память все чаще уводила его в годы военного детства, послевоенного лихолетья - и он писал новеллы: душевные, пронзительные... Последние из них - на этой странице.

НЕ ТОЛЬКО О КАРТОШКЕ

- Ребятишки, сегодня будем перебирать картошку, - говорит мама за утренним чаем с сухариками из черного хлеба, и мы с Юрком прыгаем от радости. Весной, ближе к посадке, картофелины начинают просыпаться от зимней спячки и прорастают белыми нитями, которые мы с Юркой и обрываем, чтобы они не высасывали из картофелин живой сок. Попадается и подгнившая картошка, ее мы складываем в ведро и радуемся, дурачки, что оно быстро наполняется. Наверняка нам что-то перепадет! Скажем, картофельные блинчики.

Рассевшись на теплых от весеннего солнышка ступеньках крыльца, мы аккуратно чистим клубни, а рядом стоит и ждет соседка Ада. Ей вообще есть нечего, и из этих гнилых очисток, в которых есть немного крахмала, она будет печь лепешки - «тошнотики». Конечно, наша сердобольная мама дает ей с десяток целых картофелин, но Ада забирает и очистки.

Наступает самая ответственная и тяжелая пора - копка большого огорода, раскинувшегося на задах дома от самых стен до дальнего забора.

- Ни фига себе, сколько вскопать надо! - говорит Юрка, почесывая затылок. Я думаю то же самое, а отец, заметив наши постные лица, говорит, поплеывая на ладони и берясь за ручку лопаты: - Ничего, мужики, глаза страшатся, а руки делают.

Он, наш бригадир, - красноармеец, участник двух войн, под Ржевом был буквально изрешечен осколками упавшей рядом мины. По ночам, особенно в непогоду, он стонет от ран. Но на все мамыны уговоры не брать в руки лопату отец отвечает прибауточкой: «Не взорвемся, так прорвемся, будем живы - не померем!»

Несмотря на голодную пору, мама сделала на время копки огорода небольшой продуктовый запасец: сохранила пятачок кур - они теперь попадут во щи, скопила несколько десятков яиц, припрятала два куска свиного сала, бутылочку рыбьего жира.

шонку радостью и гордостью. Сам мастер разделяет ножовкой дощечки по размеру, плотно подгоняя их друг к другу, чтобы ни

СКВОРЕЧНИК

пылинка, ни дождинка не просочились в домик. Отцовы руки соорудили даже крыльцо - своеобразную маленькую эстраду, с которой пернатые певцы будут давать свои залихватские утренние концерты, а потом скворчата, еще не вставшие на крыло, обозревать окрестный зеленый и голубой мир.

И вот новый просторный домик для скворцов готов. Отец поднимает его над головой.

- Ну, как? Мне ничего не остается, как прищелкнуть языком и поднять палец вверх.

Отец посылает меня за соседским пацаном Вовкой: дуб, стоящий возле нашего дома, может покоявиться только он. Вовка прирмчался моментально: для него лишний раз проде-

монстрировать свои несравненные верхолазные способности - удовольствие и дело чести. За небезопасную, но мастерски исполненную работу вер-

холаз был приглашен мамой к нам на праздничный обед, приготовленный в честь строительства нового скворцового жилища: томленные щи со свинойной и картошкой-запеканку на молоке от нашей коровы Зорьки. Картошка в большой семейной сковородке покрылась в русской печи аппетитной корочкой и явным образом гостю по вкусу: смолотив целую тарелку, он попросил у хозяйки добавки. Ну а мастеру золотые руки, как мама называла отца, перепала палочка воскресных праздничных лафитничков. Не забыла мама и про меня - погладила своей теплой рукой по голове и тоже подложила в тарелку добавки.

Спозаранку я выскочил на крыльцо - не прилетели

стает, когда шуруем палкой в бочке с дождевой водой, куда высыпали из ведра картошку. На одной керосинке мама ее отваривает в чугушке, на другой жарит на большой семейной сковородке. И от вкуснейшего запаха у нас с Юркой слюнки текут. Мы бежим в огород, приносим прямо с грядки укропа, муромских крепышей-огурчиков. И сдобренную укропом молодую картошку уплетаем за обе щеки под мамыны добрые слова:

- Ешьте, ребятишки, ешьте, вы ее заработали.

Вечером, приехав с работы, нахваливает ужин и отец, говоря нам с Юркой:

- Как потопаем, так и полопает, верно?

Мы согласно киваем головами: наш бригадир-агроном, как всегда, прав, хотя про себя мы нередко ворчим на него, что в работе не дает никакого спуска.

...К концу августа картофельная ботва пожелтела, а это значит, что клубни больше не растут и пришла пора уборки. В погожий солнечный денек вся наша семья, вооружившись вилами, ведрами и мешками, выходит в огород. При копке картошки тоже необходимы опыт и навыки. Нужно рассчитывать, чтобы вилы не повредили клубней, ни одного не оставив в земле. Уборка идет споро и чисто. Картошку мы стаскиваем на поляну перед домом и расстилаем ровным слоем, чтобы она проветрилась и просохла. Отдельно распределяем крупные клубни - это для еды, ровные средние - для весенней посадки, мелочь - на корм корове и поросенку. Подсохшую на солнышке картошку затариваем в мешки и отправляем в подпол, ссыпая в разные ямы по назначению. Бригадир, сосчитав мешки, доволен: урожай добротный - за пятьдесят мешков, хватит и нам, и скотине. Ужин мама приготовила в русской печи отменный: картошку-запеканку на большой семейной сковороде и жареную треску с подливой.

А у нас с Юркой впереди еще один праздник: завтра будем жечь костер из пожушей картофельной ботвы, сухих малиновых и смородиновых веток, печь картошку, вкуснее чего я, кажется, в жизни ничего не едал.

...Для кого-то картошка - обыкновенная еда, а для меня - спасительница. Она не дает моей памяти зарости бурьяном, восстанавливая перед глазами лица и голоса мамы, отца, брата и друзей-ровесников...

**Николай
АНДРЕЕВ**

В ГОСТИ К ЭПОХЕ

Фотография - это, конечно, искусство. Но на выставке «Русские хроники», которая открылась в Московском музее современного искусства, она в первую очередь интересна своей способностью фиксировать время и живущих в нем людей.

Экспозиция представляет снимки, сделанные венгерскими фотоаграфами в нашей стране с 1914 по 2006 год. Все без исключения работы замечательны - они выполнены подлинными мастерами, каждый из которых - участник престижных выставок, лауреат многочисленных конкурсов. Во всем мире известны, например, портреты Бориса Пастернака, сделанные Корнелем Капой. А Деметр Балла по просьбе Марины Влади был постоянным спутником Владимира Высоцкого во время его концертных поездок по СССР. И теперь на выставке мы видим неожиданных и Влади, и Высоцкого - обыкновенных, без артистического флера и, возможно, потому особенно нам дорогих. В экспозиции, надо сказать, много великолепных и психологически точных портретов тех, кто составил славу нашего искусства. Тут и Шукшин, и Симонов, и Райкин, и Рихтер, и Катаев... Постигание сути этих личностей, конечно, процесс очень важный. Но, уверяю, посетителей выставки ждет куда более сложная задача: узнавание себя среди рядовых свидетелей эпохи. А сделать это ох как непросто.

У Миклоша Дерна на снимке «Москва. 1992» люди поймали карманника. Большинство безразлично к происходящему и проходят мимо. У тех, кто занят разборкой, перекошенные лица, кто-то бежит с палкой. В этом клубке агрессии перепуганный облик злоумышленника едва ли не самый человечный. Безжалостна Ленке Жилаги: она фотографирует не тяжкую судьбу, а сознательное грехопадение. Трагические события октября 1993 года запечатлел в серии снимков Барнабаш Жабо. Вот серый строй солдат, которые будут разгонять демонстрацию. Потом они станут стрелять. Женщина раскинула перед ними руки. Думает, что остановит убийство. Другая ухватилась за отпечатанную на бумаге икону. Видно, еще верит, что это поможет людям примириться. Горящий Белый дом. На его фоне мужчина, с аппетитом жующий бутерброд. Неужели это тоже мы?

Лаконична серия Габора Фежера «Мастер и Маргарита». 1999 год. Дом Булгакова,



Янош Рейзман. «Место встречи», 1935 год

Практически все снимки жанровые: герои работают, едут в транспорте, поют в хоре, готовятся к свадьбе... В общем, живут обычной жизнью. Но как, скажем, разглядеть в красивых, сильных людях, буквально излучающих энергию, запечатленных в 1935 году Яношем Рейзманом на снимках «Колхоз», «Сбор сахарной свеклы» нас, сегодняшних? Дело не в том, что в стране уже нет колхозов. Нам, во многом не знакомым с поэтикой простого труда, действительно сложно понять, что за радость собирать вручную свеклу. Возможно, кто-то скажет: они работали под страхом репрессий. Но тогда получается, и вдохновенный труд возможен только под угрозой наказаний?

Многое на этой выставке не укладывается в удобные шаблоны. Вот снимок из 1935 года Андраш Кертеши «Работница ткацкой фабрики Ефремова первый раз в Большом театре». Я долго пыталась понять, кто же из двух прелестных юных героинь этого кадра ткачиха? Обе девушки необыкновенные, возвышенные, больше похожи на студенток театрального училища. В 1963 году этот же мастер делает снимок «В воскресенье утром. Москва». На скамейке сидят поодаль друг от друга женщина и мужчина. Он, кажется, пьян, а она спокойна. Или равнодушна. Такое мироощущение, да и сама сценка - это уже ближе к дню сегодняшнему. Но и в поколении 60-х для нас остается много загадок.

Деметр Балл в 1969-м запечатлел «Русский стол». Он очень скромно: печенье, вино... Коррозия советской системы шла уже полным ходом. Но что за лица у людей, собравшихся за этим столом! Какие они открытые, искренние, доброжелательные и, главное, счастливые! И куда все это делось? Народ ведь тот же, но, если судить по снимкам 90-х годов, представленным на выставке, он совсем другой. На этих кадрах преобладает хмурый взгляд. Тяжелые тела.

подъезд словно утопают в паутине. Испытанные стены. Но внимание фиксируется лишь на словах: «Мастер здесь, но мы его не видим». В том же году Фежер снимает «Художник Гриша Брусникин». На снимке скелет, шинель дружинника, советского военного, красное знамя... Знакомый набор из коллекции представителя андеграунда. А каков же сам художник? Он неопределен, глаза его пусты, как рукава шинели. Почему? Нет, я не хочу сказать, что в советском прошлом люди были лучше, чище... Я хочу верить, что наша человеческая сущность всегда выше любой политической системы.

Честно говоря, я ожидала от венгерских фотографов более жесткой критики советской действительности. Все-таки, несмотря на принадлежность Венгрии к соцлагерю, она была в нем фрондирующей частью и имела право на критику. Возможно, в данном случае оказался сильнее пресс цензуры. Возможно, можно было подобрать для выставки и другие фотографии. Тогда экспозиция рассказала бы совсем иную историю про Россию и ее народ. Как бы там ни было, венгерские фотографии взяли в руки камеру не для того, чтобы обличать нас, такать в недостатки национального характера... Они лишь пытались понять своих героев. И как часто бывает, их сторонний, но неравнодушный взгляд может оказаться очень даже кстати. Какникак, а история - это процесс живой. Ведь ее делают люди. И что еще важно - эти фотографии верят в будущее России.

Лично мне показалось весьма символическим, что последний зал выставки отдан серии работ Габора Фежера «Московский свет». На фотографиях - конец второго тысячелетия. Красивые женщины, пассажиры метро, оживленная в огнях транспортная магистраль... Но главный герой тут - свет. Почему он? Возможно, потому, что свет всегда там, где выход.

Наталья КУЗИНА